

Алексей Ипатов

Рец. на: Н.А. Власов. Россия глазами Бисмарка. СПб.: Евразия, 2021. 288 с.

Aleksey Ipatov

(Military Educational and Scientific Center of the Air Force «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy», Voronezh, Russia)

Rec. ad op.: N.A. Vlasov. Rossiya glazami Bismarcka. Saint Petersburg, 2021

DOI: 10.31857/S0869568722050181, EDN: KMEYFP

Доцент Санкт-Петербургского государственного университета Н.А. Власов известен своими работами о германском парламентаризме, франко-прусской войне 1870–1871 гг. и развитии Германской империи в 1871–1890 гг., а также

биографиями кн. О. фон Бисмарка и гр. Г. фон Мольтке¹. В новой книге историк предпринял попытку реконструировать отношение первого канцлера Германии к России. Эта тема уже не раз привлекала внимание исследо-

вателей², однако впервые ей посвящена специальная, пусть и сравнительно небольшая (15 а.л.), монография. Структурно она разделена на две части: в первой подробно изложены «теория и методология исследования» (с. 23–98), а во второй уже непосредственно раскрывается авторская интерпретация представлений Бисмарка о России (с. 99–260).

Первая часть включает три главы. Прежде всего, Власов характеризует роль «мировоззрения» и «убеждений» политиков в исторических процессах и методы их изучения. По мнению учёного, «единственным способом полноценной реконструкции взглядов деятеля прошлого является изучение его текстов (в том числе дошедших до нас при посредничестве третьих лиц) и решений» (с. 31). Впрочем, очевидно, что слова, написанные или сказанные кому-либо, в равной мере могли как выражать, так и скрывать мысли, истинные побуждения и мотивы. Причём это относится и к публичным выступлениям, и к конфиденциальным высказываниям, всякий раз требующим проверки и критики. Для этого в книге применяются такие методы, как качественный контент-анализ, когнитивное картирование и «обоснованная теория» (описанию особенностей и целесообразности использования каждого из них посвящено несколько страниц).

Во второй главе говорится про «методику анализа текстов Отто фон Бисмарка» и тот впечатляющий «массив данных», извлечённых из разнообразных источников, который составляет фундамент работы (с. 52–71). Власов опирается на «10285 текстов — от коротких телеграмм до больших мемуарных произведений», включающих «842 высказывания» о России 1848–1897 гг. Оценивая их надёжность, автор выделил три категории. Так, ««красная» категория состоит из

цитат, относительно точности (а порой и общей достоверности) которых полной уверенности не существует». К ней отнесены все отзывы Бисмарка, дошедшие в пересказе третьих лиц, в том числе и вполне заслуживающих доверия (всего — 253). «“Жёлтая” категория» — 142 фразы, «бесспорно принадлежащие Бисмарку дословно» (например, фрагменты писем или речей), содержание которых «обусловлено текущим политическим моментом и поэтому не может являться основанием для прямых выводов» о его взглядах. Наконец, «третья (“зелёная”) категория включает в себя высказывания, бесспорно принадлежащие Бисмарку дословно и не продиктованные требованиями момента» (с. 60–62, 67). Таковых автор насчитал 447. «Таким образом, — заключает Власов, — больше половины использованных цитат являются достоверными, точными и недетерминированными конкретным контекстом» (с. 67). При этом учёный и сам сознаёт условность проведённого разделения и то, что любое суждение «о том, в какой степени содержание того или иного высказывания было обусловлено контекстом его появления, во многих случаях может оказаться спорным» (с. 62).

Неслучайно «вторым параметром сортировки» собранного материала стало его распределение по 15 «частично пересекающимся» тематическим блокам (они также названы «категориями», что способно немного запутать читателя). Так, 254 цитаты попали в рубрику «государство», 229 — «российско-германские отношения», 127 — «элита», 122 — «общество (общественное мнение и его носители — образованные средние слои)», 114 — «Россия в международных отношениях», 96 — «практики», 85 — «война (вооружённые конфликты с участием России — как реальные, так и гипотетические)», 62 — «нация (особенности национального

характера)», 59 — «страна», 47 — «русские немцы», 40 — «народ (оценочные суждения, касающиеся “простого народа” — крестьян, рабочих, городских низов)», 32 — «поляки (всё, связанное с поляками и “польским вопросом” в российской политике)», 31 — «армия», 22 — «экономика», 13 — «личное (прямые высказывания Бисмарка о его личном отношении к России)» (с. 63–64, 67).

Приводит автор и «хронологическую последовательность» отзывов, которые оказались «распределены по годам и периодам жизни Бисмарка достаточно неравномерно»: в 1848–1858 гг. — 29, 1859 г. — 31, 1860 г. — 12, 1861 г. — 36, 1862 г. — 16, 1863–1866 гг. — 16, 1867 г. — 28, 1868 г. — 29, 1869 г. — 15, 1870 г. — 24, 1871–1875 гг. — 39, 1876 г. — 20, 1877 г. — 38, 1878 г. — 21, 1879 г. — 89 (из них 27 датированы 5–7 сентября), 1880–1886 гг. — 167, 1887 г. — 67, 1888 г. — 46, 1889 г. — 15, 1890 г. — 21, 1891–1897 гг. — 80 (почти половина — в написанных тогда мемуарах) (с. 67–69). Эту явную несоразмерность историк объясняет не столько отбором и группировкой данных, сколько должностным положением Бисмарка в тот или иной момент и «репрезентативностью источниковой базы», т.е. фиксацией его заявлений в сохранившихся документах (с. 69).

В третьей главе показано формирование представлений Бисмарка о России. При этом учитывается влияние на него не только непосредственных впечатлений, полученных во время пребывания на посту прусского посланника в Петербурге в 1859–1862 гг., но и господствовавших в Германии в 1830–1850-х гг. стереотипов, вышедшей в те годы литературы (в том числе известного памфлета маркиза А. де Кюстина) и общения с остзейцем гр. А. Кейзерлингом, которого сам Бисмарк в 1879 г. называл своим «старейшим и ближайшим другом»

(с. 73–90). Вместе с тем, справедливо полагая, что «люди с разными взглядами будут по-разному оценивать одну и ту же информацию» (с. 90), Власов бегло очерчивает «контекст мировоззрения» Бисмарка: его преимущественно консервативные убеждения, монархические симпатии при довольно прохладном отношении к религии, приверженность идеалам сельской глубинки и неприязнь к урбанизации и крупным городам, прусский патриотизм с элементами немецкого национализма, уверенность в приоритете военно-экономической мощи государства в международных делах (с. 91–95). Всё это в той или иной мере сказывалось на восприятии «железным канцлером» российских реалий.

В четвёртой главе «Россия и русские» речь идёт о бисмарковских суждениях о пространстве соседней империи, о славянах и национальных особенностях русского народа. В целом, в его словах встречался примерно тот же набор клише, что и у других иностранцев: север, холод, снег, зима. Правда, побывав в Москве, прусский посланник написал, что «цвет этой страны — зелёный». В самом городе ему почудилось нечто «мавританское». Вероятно, русское казалось ему всё же скорее чем-то азиатским, нежели европейским. Любопытно наблюдение автора о том, что с 1860-х гг. Бисмарк стал уподоблять Россию не медведю, а слону. Согласно предположению Власова, этот образ напоминал одновременно как о «величине и мощи», так и о «неуклюжести и неповоротливости» (с. 103–104).

Как известно, в своих «расовых» воззрениях (Власов называет их даже «расовой теорией» Бисмарка), хотя сам «теоретик», как затем выясняется, «никогда систематически не излагал» её положения, воспроизводя расхожие мнения своего времени) создатель Второго рейха делил народы на «муж-

ские» — к ним, несомненно, относились немцы, — и «женские», к которым он причислял славян и кельтов (с. 105–110). Кроме того, он неоднократно отмечал такие черты русских, как самовлюблённость, обидчивость, лживость, лицемерие, двуличие и переменчивость, эксцентричность. Вместе с тем он указывал на их любезность и обходительность, элегантность и подвижность, инстинктивный ум и рассудительность, неприхотливость и лояльность к власти (с. 111–121).

В пятой, самой большой по объёму, главе книги анализируется сказанное Бисмарком о различных социальных группах Российской империи — простонародье, средних слоях, элите, а также о поляках и русских немцах, которым он приписывал многие достижения династии Романовых. Особое внимание уделено общественному мнению и деятельности нигилистов. В ней Бисмарк усматривал серьёзную опасность, особенно в сочетании с иллюзорными надеждами общественности на конституционные преобразования. «Все образованные русские, с которыми я говорил в последние недели, — писал он кронпринцу 23 мая 1881 г. (т.е. уже после манифеста о незыблемости самодержавия, подписанного Александром III 29 апреля), — ожидают немедленного исцеления всех своих недугов в случае введения конституции. Национальное легкомыслие мешает даже самым рассудительным из них подумать о том, каким же образом конституция сможет разрешить все проблемы империи». В том же письме канцлер сожалел о «болезненном стремлении русских считать столь же цивилизованными, как жители Западной Европы» (с. 132–133).

Конечно, «этот комплекс неполноценности по отношению к Западу» играл свою роль. Но едва ли он вызывал бы у Бисмарка такое раздраже-

ние, если бы не осознание того, что создание в Петербурге тех или иных представительных учреждений непременно дало бы ход набирающим влияние в обществе «патриотическим» и «панславистским» силам, которые в Берлине не без основания подозревали во враждебности как к Германии, так и к русским немцам (с. 134–135, 139). Именно поэтому нигилизм, конституционализм, панславизм, крайний национализм и шовинизм зачастую представлялись германскому канцлеру в виде «родственных», хотя пока «ещё не тождественных» течений, подпитывавших друг друга и активно использовавших для достижения своих целей печать (с. 161–162).

Судя по книге Власова, отзывы Бисмарка о русской прессе были крайне противоречивы. В августе 1876 г. для него не являлось секретом, что Александр II «находится в необычайно трудной ситуации под давлением общественного мнения». В 1879 г. Бисмарк прямо утверждал, что общество и печать втянули Россию в 1877 г. в войну с Турцией, которую император до последнего момента желал избежать. При этом в октябре 1878 г. он заявлял, что «российская пресса инспирирована не русскими, а евреями, поляками и другими антигерманскими элементами» (с. 138–139). Но уже в апреле 1880 г. канцлер писал послу в Петербурге Л. фон Швейницу, что «русская пресса есть в известном смысле правительственный институт». Осенью 1886 г. ему казалось, что ведущие издания «правительство полностью держит в своих руках» (с. 140). Однако в январе 1887 г. говорил нечто прямо противоположное: из его слов следовало, что не государство руководит прессой, а наоборот, «настроение влиятельного московского общества во главе с газетой [М.Н.] Каткова оказывают большее влияние на решения императора». А в феврале «Московские ведомости»

виделись ему и вовсе «чем-то вроде параллельного правительства». Между тем в 1860–1870-е гг. он считал их, как пишет Власов, «средоточием российской националистической оппозиции» (с. 138–139).

Размышляя над вопросом «Что же Бисмарк думал на самом деле?», автор полагает: «Очевидно, мы можем хотя бы отчасти решить эту задачу, введя в уравнение третью величину — представителей российской элиты, в том числе высокопоставленных государственных деятелей, поддерживавших “московитскую” партию... Их покровительство позволяло прессе активно выступать с требованиями, характерными для данной партии, и оказывать определённое влияние на позицию монарха» (с. 141–142). Но действительно ли об этом «Бисмарк думал на самом деле»? Подобное утверждение по меньшей мере спорно и проблематично. Между тем при решении данного «уравнения» следовало бы просто учесть, что положение различных изданий (в том числе их связи с сановниками и степень воздействия на царя) постоянно менялось в зависимости от множества обстоятельств. Бисмарк же «думал» не о том, чтобы дать ту или иную внутренне непротиворечивую и вневременную оценку печати, а о том, какую именно роль она играет в текущий момент и чем это может грозить или служить его политике.

В полной мере это относилось не только к прессе, но и к суждениям о российской элите, самодержцах, государственных деятелях, осуществлявшихся или планировавшихся ими преобразованиях и т.п., о чём Власов рассказывает в шестой главе (с. 166–199). Впрочем, у Бисмарка можно обнаружить и не зависевшие от конъюнктуры пристрастия и антипатии: неприязнь к полякам (с. 143–146) и бюрократии — не только российской,

но и немецкой (с. 157–164, 179–188), осуждение русификации остзейских губерний и симпатии к русским немцам, которым, по его мнению, в России завидовали, не ценя их заслуг (с. 146–154). Весьма последовательно Бисмарк бичевал и такие «практики», как воровство, обман, перлюстрация, подобострастное чиновничество и грубость к нижестоящим, слепое повиновение приказам и т.п. (с. 195–199).

В седьмой главе «Россия — сосед Германии» собраны высказывания Бисмарка о месте и роли Российской империи в системе международных отношений (с. 200–209), а также о взаимодействии и возможности вооружённого столкновения Берлина и Петербурга (с. 210–238). До 1878 г. оно казалось маловероятным, а Россия изображалась германским канцлером как одно из наиболее миролюбивых государств Старого Света. Затем под влиянием «военной тревоги» 1875 г. и восточного кризиса 1875–1878 гг. он, напротив, стал всячески нагнетать ощущение российской угрозы, добиваясь от Вильгельма I согласия на заключение союза с Австро-Венгрией. Тем не менее нельзя не согласиться с автором в том, что и до, и после этого «стремление к поддержанию хороших отношений с Россией действительно было важной составной частью как мировоззрения, так и политической практики “железного канцлера”» (с. 215). Более того, как следует из восьмой главы, в которой Власов прослеживает эволюцию отношения Бисмарка к России и выявляет характерные черты, определявшие восприятие им соседней «полуварварской нации» (с. 239–260), это стремление оставалось «стабильным», хотя и «не содержало в себе ни грамма симпатии и было к тому же отнюдь не безусловным» (с. 244–245). Весьма характерно, что «в текстах “железного канцлера” можно при желании обна-

ружить десятки как условно “русифильских”, так и условно “русифобских” высказываний» (с. 12).

В кратком послесловии (с. 261–264) автор намечает перспективы дальнейшего исследования темы: «изучение представлений Бисмарка о других европейских странах и народах — англичанах, французах, поляках и, наконец, самих немцах», сопоставление его взглядов «с соответствующим германским дискурсом той эпохи» для выявления степени их оригинальности, а также специфики образа России в немецком общественном сознании второй половины XIX в., наконец, анализ бисмарковских апокрифов и причин их популярности и актуальности «в современной исторической памяти». Тут, по мнению Власова, Бисмарк, наряду с У. Черчиллем, принадлежит к числу тех, кого «можно назвать “не-другом”»: «К этому типу в массовом сознании относятся зарубежные государственные и военные деятели, которые не были друзьями России и относились к ней в целом негативно, однако уважали, побаивались и иногда даже невольно восхищались выдающимися качествами страны и народа. В силу того, что это уважение и восхищение не было основано на симпатии, оно предстаёт в качестве в высшей степени объективного суждения» (с. 263).

Проблема, правда, в том, что, как видно из книги Власова, многие оценки и отзывы Бисмарка зачастую лишь воспроизводили сложившиеся в Европе стереотипы и предрассудки или отражали чуткую реакцию на меняющуюся конъюнктуру русско-германских отношений. Именно эта способность улавливать её, используя затем в своих интересах, и заставляет говорить о Бисмарке как о «знатоке» России. Но поэтому же, для того чтобы «понять Бисмарка», необходимо, но не-

достаточно пересчитать и систематизировать его высказывания и даже сопоставить их с «соответствующим дискурсом». Не менее важно соотнести их с теми российскими реалиями (прежде всего политическими), которые в них схватывались и преломлялись. В них важно увидеть не только монологически завершённую «оценку», а реплику в диалоге, обращённую к «собеседникам» как с российской, так и с германской стороны. В книге Власова, при всех её неоспоримых достоинствах, не хватает именно этого «диалогического» контекста. Это, разумеется, не умаляет ценности проделанного Н.А. Власовым труда, но лишь свидетельствует о том, что поле для последующей разработки освещённого им сюжета гораздо обширнее, чем заявлено в послесловии.

Примечания

¹ Власов Н.А. У истоков германского парламентаризма. Проблема имперского военного закона 1871–1874. СПб., 2006; Власов Н.А. Великий Бисмарк. Железом и кровью. М., 2011; Власов Н.А. Гельмут фон Мольтке — полководец индустриальной эпохи. СПб., 2011; Власов Н.А. Германия Бисмарка. Империя в центре Европы. СПб., 2018; Бодров А.В., Власов Н.А. Железо и кровь. Франко-германская война. СПб., 2019.

² Подробнее см.: Александренко В. Князь Бисмарк и Россия // Русская старина. Т. 100. 1899. № 12. С. 569–581; Гольде Б.Э. Петербургская миссия Бисмарка 1859–1862 гг. Россия и Европа в начале царствования Александра II. Прага, 1925; Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. Исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е годы XIX столетия. Т. 1. М., 1928; Изд. 2. М., 1974; Дегоев В.В. Россия и Бисмарк // Звезда. 2003. № 7. С. 128–155; Дударев В.С. Петербургская миссия Отто фон Бисмарка. 1859–1862. Дипломатическая ссылка или политический успех? СПб., 2013; Медяков А.С. «Наш Бисмарк»? Россия в политике и взглядах «железного канцлера» Германии // Российская история. 2015. № 6. С. 63–84. В 2021 г. появилось ещё одно монографическое исследование: Дударев В.С. Бисмарк и Россия. 1851–1871. СПб., 2021. Но оно не охватывает 1870–1890-е гг.